

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕЙ ЛЕКСИКИ КАЗАХСКОГО И ТУВИНСКОГО ЯЗЫКОВ В СРАВНИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Шапагат Жалмаханов

Карагандинский национальный исследовательский университет им. академика Е. А. Букетова

Милена Йорданова

Софийский университет имени святого Климента Охридского

Abstract. While the general comparative grammar of modern Turkic languages has been studied, the Turkic languages of distant or close kinship cannot compare with each other in a specific grammatical aspect. Therefore, we consider it relevant to compare the general vocabulary of the Kazakh and Tuvan languages of distant kinship with phonetics and semantics. The main reason for obtaining a common vocabulary as a research material is that only a common vocabulary is the main indicator of the kinship of languages. And knowledge of the similarities and differences in the sound composition of the general vocabulary is considered a meaningful indicator of identifying formal, semantic similarities and differences in determining the level of kinship of languages. As a result, we will be convinced that, based on the material of the Kazakh and Uighur Tukey languages in a specific Kipchak-Nogai subgroup, the Tuvan language is an independent language, through sound and semantic similarity, through features. Analyzing the general vocabulary of the Kazakh and Tuvan languages in sound and semantic aspects, the level of kinship was determined by specific facts.

Keywords: modern Turkic languages; languages of distant kinship; phonetic and semantic features

Введение

Согласно генеалогическому принципу классификации родственные языки делятся на языки дальнего и близкого родства. Дальность или близость родства языков, относящихся к одной языковой семье, определяется их принадлежностью к той или иной ветви, группе или подгруппе. С этой точки зрения, по классификации Н. А. Баскакова, казахский язык в близком родстве с ногойским и каракалпакскими языками, которые относятся к подгруппе кыпчак-ногой кыпчакской группы ветви западного хунского ответвления.

Тувинский же язык относится к уйгурской подгруппе туюк-уйгурско-огузской группы восточного хунского ответвления (Baskakov, 1968). Следовательно, казахский и тувинский языки являются языками дальнего родства, поскольку они принадлежат к разной ветви, разным группам, разным подгруппам.

В тюркологии отличительные черты языков дальнего родства в фонетическом и семантическом аспектах до сих пор четко не определены. Более того сравнительное изучение казахского и тувинского языков не было еще объектом специального исследования. Цель данной статьи заключается в выявлении фонетических и семантических особенностей общей лексики казахского и тувинского языков, определении их сходств и различий. Для реализации поставленной задачи было проанализировано 330 однокоренных и производных слов общей лексики. Для анализа их фонетических особенностей все слова были поделены на отдельные группы с звуковыми отличиями и без звуковых отличий, затем анализу подверглись слова с звуковыми различиями, корневые же основы (слова) были рассмотрены с точки зрения наличия в них начальных (анлаут), средних (инлаут), конечных (ауслаут) позиций. На следующем этапе было определено сходство и отличие значений в лексике рассматриваемых языков, выявлена этимология некоторых казахских слов с неясным значением.

История вопроса

История тюркологии начинается с изучения лексики тюркских языков в фонетическом, семантическом и грамматическом аспектах. Хотя первым объектом изучения языков тюркских племен стали центры арабской и персидской цивилизаций, родиной настоящей тюркологии является Россия. История ее становления длилась более четырех столетий (Baskakov, 1968, 19–29). Краткий обзор работ, посвященных сравнительному анализу общей лексики современных тюркских языков в фонетическом и семантическом аспектах, позволил выделить несколько основных направлений исследования. Это словарные статьи этимологических словарей (см. Sevortyan, 1974, 1978), работы, посвященные общей теории этимологии (См. Сравнительно-историческое изучение 1982; Сравнительно-историческое изучение 1989), конкретным группам тюркских языков (см. Musaev, 1975, 1984), языкам алтайской семьи (Tsintsius, 1972), монографии по современной или исторической грамматике тюркских языков (См. Tuimebayev, Eskeeva, 2015), учебные пособия (см. Nurmakhanova, 1971; Tomanov, 1992) и исследования, касающиеся этимологии слов определенной лексико-тематической группы (см. Pokrovskaya, 1961; Syzdykova, 1988; Kaidar, 1998). Все вышесказанное является свидетельством того, что проблемы сравнительного изучения лексики современных тюркских языков по сей день не потеряли своей актуальности.

Материал и методы исследования

Основным в данном исследовании является сравнительно-сопоставительный подход, использование которого позволило выявить взаимоотношение структурно-фонетических и семантических особенностей общей лексики казахского и тувинского языков. Поскольку сравнение звуковых и семантических изменений в обоих языках связано с различными историческими процессами, был применен диахронический метод. Фонетический анализ общей лексики предполагает классификацию звуков (гласных, согласных), анализ слоговой структуры слова (анлаут, инлаут, ауслаут), анализ звукового состава корневой основы. В сопоставляемых языках способом классификации звуков определяется количество гласных, согласных звуков, способы слоговой структуры слова в позициях начального, среднего, последнего слога, модели корневых слов рассматриваемых языков. Орфографический анализ слов позволил оценить позицию каждого звука в слове, лингвальный или лабиальный характер звуков казахского и тувинского языков.

Для выявления семантических особенностей общей лексики были применены также методы компонентного, этнолингвистического, этимологического анализа. Компонентный и сравнительный лексико-семантический анализ позволили определить многозначность лексемы, общей для родственных языков, обнаружить сходства и отличия, выявить древние языковые факты. Метод этнолингвистического анализа позволил выявить информацию о духовной и материальной культуре носителей двух языков, обусловленную их обычаями, традициями и верованиями. Этимологический анализ лексем дает возможность определить историческую эпоху формирования тех или иных лексем, выявить историю развития значений отдельных слов и словосочетаний.

Материалом исследования послужили отобранные из двуязычного тувинско-русского словаря (Тувинско-русский словарь, 1968) 330 лексем, общих для казахского и тувинского языков, начинающихся со звуков А, Б, Д.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Лексические соответствия казахского и тувинского языков на фонетическом уровне

Один из способов определения сходства и особенностей языков дальнего родства напрямую связан со звуковым, то есть морфонологическим составом корней слова. И тувинский язык и казахский языки имеют ряд отличительных характеристик, отличающих их друг от друга и от других тюркских языков и связанных с историческим прошлым и современной реальностью. В тувинском алфавите 36 букв (Тувинско-русский словарь, 1968). В казахском – 42 буквы, 5 из которых (ә, қ, ұ, і, е) отсутствуют в тувинском языке. Отсюда следует, что для звукового состава слов в казахском и тувинском языках характерны звуковые чередования. Из 330 общих для двух рассматриваемых

языков слов, начинающихся со звуков А, Б, Д, нами выделено 275 слов из тувинского языка, отличающихся звуковым составом от казахского языка, и 52 слова без фонетических различий. Все слова с чередующимися звуками разделены на слова, имеющие особенности в начальной (анлаутской) позиции, средней (инлаутской) позиции, последней (ауслаутской) позиции. Слова, различающиеся по звуковому составу, распределились следующим образом:

1) слова, состоящие из одного слога (55): *а, ас, аът, даг, баг, баш, бе I, бег, беш, бог, бош, даш, буг I, бус I, бус II, бут, бүт, быт, даг, дай, дал I, дал II, даң I, дап I, даш, дег, деш, дем I, дең I, дең III, дер, дил, диш, дос, дой I, дол, доң I, дөр, дөрт, дөш, дун, дус I, дус II, дуюг, дүш I, дүш II, дүк I, дүк II, дүн, дүн, дүш, дыл, дйт, дег, даш;*

2) состоящие из двух слогов (145): *аа, аа, аал, аар, аас, ава, авай, агар I, агар II, агла, агым, ада I, ада II, адак, адан, адыг, адыр I, адыр II, ажыг I (ажы), ажык I, азыг I, айыт, демир, кодан, албыс, алды, алдын, алыш-бериш, арбай, аргар, артыш, ары, арыг, арык, аска, атташ, ача (ачай), аъттан, аъттыг, аъш-чем, аяар, чорук, баар I, баар II, багла, базым, бакта, бала III, балды, балдыр, балдыр-бээжек ырак, базын, башка, башкы II, башта, баштыг, бедик, бекте, бижек, бижик, бижик-билик, билзек, билиг, болза, бопук, бөгүн, бөдей, чүрек, чечек, бөлүк, бөрү, бөрзек, будук, бузук, буйла, булак, бұлан, булат, булут, бурган, бурт-сарт, бурун (бурунгу), буур, бүге, бүгү, бүдүн, бүргүт, бүрү I, быгын, былга, бышкы, бышкыр, бээр I (бер), бээр II, даван, дага, дагын, дайна, дайнам, дакпыр, далган, далгы I, далда, дамды, дамыр, дары, деге, дежик, безер/дес, демир I, деңге, деңзи, дептер, дерлик, дески, диш, дилги, дилег, дилен, дириг, довук, докпак, долга, долдур, долу II, дорзук, доруг, дорум, дөгер, дөжек, дугай, дуза, дузак, дуран, дүкпү, дүлей, дүндүк, дүңгүр, дүңдер, дыгый, дыңна, дыра, дырбак, дырыш;*

3) состоящие из трех слогов (57): *аартык, аарыг, агаар, агылдыр, адакта, адакташ, адактал, ада-чурт, адырык, ажыткы (ажынды), азыра, азырал, салаа, айыыр, быдаа, коргулчун, алдыы, арага (арака), аралаш, арзылаң, арттынчак, арыгла, аътсыра, базаар, баскыыш, боогда, бораан, бугажык, бузунду, булгаар, булганыр I (булган), бурундук, буура, буурул, бүүрек, бүшкүгүр, бызаа, даалык, делегей, дакпырла, далганна, дамбала, дамбыра, дашкаар, даянгыыш, диленчи, довурак, доктаа, доозун, допчула, дорала, сөөгү, думаа, дүлгүүр, дүштеки, дырышак, дээрбе;*

4) состоящие из четырех слогов (13): *аарыр, адынчак, агарла, адырылбас, азнакчи, азаганды, айызыаар, айылаар, арагачи, араглакчи, баганала, базарла, долагана.*

В начальной позиции (анлауте) однослоговых слов встречаются следующие варианты звуковых чередований: с~з, д~т, г~у, ш~с, г~к, о~уу, у~ү, ү~і, ы~и, а~э, г~й, н~ң, ы~і, ы~ү, ег~и. Наиболее частотными звуковыми соответствиями в начальной позиции односложных слов являются д~т (33 раза),

у~ұ (7 раз). Для данной категории слов характерны такие чередования гласных звуков, как твердый-мягкий (а~э, ы~и, ы~і), твердый-твердый (ы~ұ). Не наблюдалось вариантов мягкий-твердый, мягкий-мягкий. Варианты соответствий гласных в отношении губных и негубных звуков оказались следующими: губный-губный (о~уу, у~ұ), негубный-губный (ы~ұ), губный-негубный (ү~і), негубный-негубный (ы~и, а~э, ы~і). Среди согласных же – мягкий-твердый (д~т, г~к, ш~с), твердый-мягкий (с~з), сонорный-сонорный (н~ң), чередование же пар твердый-твердый, мягкий-мягкий, сонорный-твердый, твердый-сонорный, мягкий-сонорный оказалось несвойственным. Единственный случай чередования согласного с гласным – это вариант г~у. Среди гласных чаще всего чередуются у~ұ (в 7 случаях), в согласных д~т (в 33 случаях).

Количество двуслоговых слов общей лексики составило 145. Выделены звуковые чередования, встречающиеся в начальной позиции слова: а~у, г~у, ж~щ, д~т, с~к (к~с), а~э, ш~с, ч~ж, г~й, а~о, э~ө, е~и, ди~иі, б~п, и~ы, о~а, ө~ү, б~к, ө~е, ч~ш, у~ұ, у~о, г~к, б~м, ы~ұ, ы~і, д~ш, д~б, е~э, и~ү, ө~о, у~ү, ү~ө. Наиболее распространены чередования в начальной позиции двуслоговых словоформ: д~т (44 раза), у~у (11 раз). В двусловых словах гласные звуки чередуются следующим образом: твердый – мягкий (а~э, ы~и, ы~і), мягкий–твердый (ө~о), твердый – твердый (а~о, о~а, ы~ұ), мягкий – мягкий (е~э, и~ү, ү~ө, ө~ү, ө~е), губный – губный (ө~ү, у~ұ, у~о, ө~о, у~ү, ү~ө), негубный – губный (а~у, ы~ұ, а~о, э~ө, и~ү), губный – негубный (о~а, ө~е), негубный – негубный а~э, е~и, и~ы, ы~і, е~э). Для чередования согласных звуков характерны следующие позиции: звонкий – глухой (д~т, ш~с, б~п, б~к, г~к), глухой – звонкий (ч~ш), звонкий – звонкий (д~ш, д~б), глухой – глухой (с~к, к~с, г~к), звонкий – сонорный (б~м). В гласных чаще всего чередуются у~ұ (в 11 словах), в согласных д~т (в 44 словах).

В трехсловых словах (их количество составило 57 единиц) наблюдаются следующие звуковые чередования, встречающиеся в начальной позиции слова: а~у, г~к, ы~и, оо~ө, у~ұ, б~ы, б~м, ы~ұ, д~т, а~о, ш~с, ө~ү, ү~і, э~и. Наиболее распространенными чередованиями характерны для заглавной позиции слов: д~т (13 раз), у~ұ (5 раз). Чередование гласных звуков в трехсловых словах выглядит так: твердый–мягкий (ы~и, оо~ө), твердый – твердый (а~у, у~ұ, ы~ұ, а~о), мягкий–мягкий (ө~ү, ү~і, э~и), губный – губный (оо~ө, у~ұ, ө~ү, ү~і), негубный–губный (а~у, ы~ұ, а~о), губный – негубный (ү~і), негубный – негубный (э~и). Для чередования согласных звуков характерно: звонкий – глухой (г~к, д~т, ш~с), звонкий – сонорный (б~м), не встречаются варианты чередований мягкий – твердый, глухой – звонкий, сонорный – сонорный, звонкий – звонкий, глухой – глухой, сонорный – глухой, глухой – сонорный. Имеет место чередование согласного с гласным б~ы. В гласных чаще всего чередуются у~ұ (в 5 словах), в согласных д~т (в 13 словах). В анлауте в четырехсловых словах чередование глас-

ных и согласных звуков встретилось в 13 случаях: а~у, т~к, д~й, ыг~у. Эпентезы звуков не наблюдается, к афerezису звуков относятся -а, -гаа. Характер чередования гласных звуков следующий: негубный–губный (а~у, ыг~у), согласных звуков – глухой–глухой (т~к), звонкий–сонорный (д~й). Как показывает анализ, встречается только 1 из 8 видов чередования гласных и 3 из 8 видов чередования согласных, что может свидетельствовать о том, что большее количество слогов в слове ведет к меньшему чередованию звуков. Проведенное исследование выявило, что для всех слов в анлаутной позиции характерно чередование твердой гласной у казахского языка и мягкой гласной у тувинского языка, а также глухой согласной т казахского языка и тувинской звонкой согласной д.

Звуковые чередования, встречающиеся в средней (инлаутной) позиции в двусловных словах (их 145), образуют следующие варианты: с~з, в~п, а~ы, р~с, м~с, д~т, д~й, д~йу, ж~ш, ыг~у, ш~с, б~п, г~к, пыш~ша ы~а, ч~к, а~е, г~лы, ш~ч, у~ы, з~с, ж~б, е~а, ж~т, у~а, ү~і, ч~ш, у~ы, л~д, у~ұ, г~х, т~қ, г~к, г~ғ, кы~пек, э~е, в~б, д~ш, ыі, ж~с, г~л, ки~те, и~і, ң~н, в~у, е~а, ан~бі, пү~ірік, д~к, й~з, н~д, б~н. Наиболее часто встречающиеся в средних, последних слогах чередование звуков ү~і в двух языках можно назвать вопросами орфографического, орфоэпического характера. Наиболее распространенные звуковые чередования в средней позиции двусловных слов в тувинском и казахском языках: д~т (8 раз), ү~і (8) раз, г~қ (6) раз, г~к (5 раз), г~ғ (4 раза). А чередование звонкого согласного з тувинского языка на звонкий з, на глухие согласные к, қ казахского языка – можно считать общей языковой закономерностью.

В инлауте в трехсловных словах чередование гласных и согласных звуков встречаются в 57-и единицах: ы~у, а~у, д~й, д~т, ж~ш, з~с, г~ғ, у~а, ыг~у, а~е, г~к, ч~ш, ө~й, ү~і, к~г, ш~с, э~і. В средней позиции из трехсловных слов наиболее распространены звуковые чередования: д~й (4 раза), у~ы (4 раза). Звуковые чередования, встречающиеся в средней позиции (анлауте) четырехслогового слова (13): ы~е, з~с, к~у. Звуковые чередования трехсловных (57 слов) в последней (ауслаутской) позиции слова: ы~р а~у, ш~с, ч~ж, у~ұ, л~у, ч~с, у~ы, л~т, ң~н, ш~ж, ү~і, ы~а, н~д, ч~ш, в~п, у~а, ң~н, г~к, бе~мен. В последней позиции трехсловных слов наиболее часто встречаются позиции у~ы (5 раз). Звуковые чередования, встречающиеся в последней (ауслаутной) позиции в четырехсловных словах (их 13): ч~ш, а~е, б~м, к~у.

Итак, фонетический анализ общей для обоих языков слов показал следующее: 1) в начальной (анлаутной) позиции наиболее частыми звуковыми чередованиями является д~т (90 раз), у~ұ (23 раза). Причина этого видится в том, что слово в тувинском языке, относящемся к уйгурско-огузской группе, начинается не с глухого согласного т, а со звонкой согласной д, а в первых слогах используется звук у, в отличие от кыпчакских языков, для которых характерно

использование звука *y*; 2) чередование звуков в начальном слоге уменьшаются с увеличением количества слогов в слове; 3) звуки, чередующиеся в позициях в инлауте и ауслауте имеют разный характер; 4) количество чередований звуков (их 16: гласных 8, согласных 8) на всех позициях слога слов гласных (твердый – мягкий, твердый – твердый, мягкий – твердый, мягкий – мягкий, губный – губный, негубный – губный, губный – негубный, негубный – негубный) и согласных (звонкий – глухой, глухой – звонкий, сонорный – сонорный, глухой – глухой, сонорный – звонкий, сонорный – глухой, глухой – сонорный, звонкий – сонорный) по мере увеличения слога уменьшаются.

2. Лексико-семантические особенности общей лексики

Как отмечает в своей работе К. Мусаев: «Сравнительное исследование лексики играет значимую роль при решении проблем наиболее точной и тонкой генетической классификации тюркских языков... Сравнительное исследование лексических и семантических сходжений и расхождений тюркских языков оказывается несомненной услугой при установлении относительной хронологии дифференциации группы тюркских языков, при выявлении исторических условий их формирования и взаимодействия, выводится специфика автономного развития отдельных языков» (Мусаев, 1984: 14). Лексико-семантический анализ позволяет также определить значение, историю слова и его значения, например, определенных слов и словосочетаний казахского языка. Убедимся в этом, сравнив семантику общей лексики с тувинским и казахским языками (Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі, 2008; Кенесбаев, 2007; Кайдар, 2013).

К примеру, в тувинском языке от корня *aat* образуются производные слова *aat+кыыш*, означающие «колыбель, вешалка для качелей», *aat+тыныр* («качать»), *aatтынчак* («висячая детская люлька») [TPC: 3]. Можно предположить, что корнем казахского слова *әткеншек* – *ат+қын+шақ* (качели) является *ат* (лошадь), разница заключается в чередовании звуков *a~ә* в начальной позиции слова, что и «скрывало» этимологию слова. В тюркских языках слово «ат» имеет 4 основных значения: *лошадь, имя, метание, кидать, стрельба из оружия*. Первая и третья семы семантического поля явления омонимно-полисемантической пары слова «ат» относятся к тому факту, что начальным корнем слова *әткеншек* является слово *ат*, для него характерно «ездить как на лошади», «качать как на лошади» (Севортян, 1974: 197-200), поэтому корень *ат* может служить мотивацией слова *әткеншек*.

Казахское слово *ауа* в тувинском языке *агаар* употребляется в 3-х значениях: *воздух, погода, атмосфера* [TPC: 4]. Этимологическим корням тюркских языков не свойственно расположение рядом двух гласных и двух согласных (в особенности кыпчакским языкам), поэтому мы видим, что исторический корень казахского слова *воздух* – *ага*, т.е. чередование *г~у*. Как известно, изменение погодных условий объясняется движением воздушных потоков (циклонов),

отчего и возникают тепло и холод, меняются времена года. Дополнительным доказательством тому служат производные слова, от слова *агыс* в тувинском языке, означающие *агар* «поток, течь», агым – «поток, поток воздуха» [ТРС: 5].

Слово *бітік* в казахском языке встречается только в словосочетании *бітік жазу* (письмо). А в тувинском языке *бижик* – это многозначное слово: 1) письмо, 2) письменное указание, 3) письмо, послание, записка [ТРС: 37]. Таким образом, это слово является историческим словом для казахского языка (историзм), а для тувинского языка является активной лексикой. Еще один любопытный факт заключается в том, что лилия называется *ай II* на тувинском языке. Латинское название – мартагон, то есть цветок лилии, родивший богиню войны Марту. Русское название сарана, *саранка* – тюркское слово, образованное от слова *сары*. Оказалось, что у этого цветка луковица, зерно, цвет семян клубней под землей желтый (Шипова, 1976: 279).

Как известно, казахи и тувинцы имеют немало общего не только в языке, но и в материальной и культурной жизни, быту и т.д. На наш взгляд, установление лексических параллелей в различных лексико-семантических группах тувинского и казахского языков является важным фактором в изучении языковых механизмов при решении многих вопросов историко-этимологического плана. Так, тувинцы называют процесс очищения дома дымом можжевельника *алас-алас*, в казахском языке этот обычай называется *аластату*, а сама церемония очищения сопровождается словом *алас-алас*. В мифологии тувинцев есть слово *албыс*, означающее «степная дева, ведьма», производные слова от *албыс* имеют по несколько значений, например, *албыста*: 1) сходить с ума, 2) *перен.* неистововать, бесноваться; *албыстыг*: 1) одержимый, сумасшедший, 2) дурашливый, шаловливый [ТРС: 14], у казахов словом *албасты* (красноголовый) называют: 1) человека, непривлекательного, вызывающего отвращение, 2) дурашливый, шаловливый [ТСКЯ: 39].

У тувинцев верблюд входит в пятерку домашних животных (*беи чузун мал*), казахи же говорят *төрт түлік мал* (четыре вида скота), кроме коровы. Как видим, верблюд у обоих народов считается домашним животным, поэтому лексика, имеющая отношение к этому животному, имеет много общего. Рассмотрим, к примеру, слово *буйла*. В тувинском это слово означает палку, продетую через хрящ в носу верблюда [ТРС: 48], у казахов такая палка называется *мұрындық*, с обеих сторон этой палки прикрепляется *тыгырық* (колечки из кожи, надеваемые на оба конца мурындыки). Слово *мұрындық* в казахском языке имеет еще несколько значений: 1) небольшая тонкая палочка, продаваемая горизонтально в головку вертела, чтобы повесить веревку и пряхсть ее; 2) небольшая железная палка, проходящая горизонтально через конец ремня, чтобы колесо тележки не выпало; 3) *ауысп.* руководитель [ТСКЯ: 603-604]. Словом *бұйда* казахи называют веревку для привода верблюда, которая завязывается на палке (*мұрындық*). У тувинцев слово *бурундук* имеет

значение «веревка, привод с палкой на конце, продеваемая в нос верблюда или быка», у казахов такая палка называется *мұрындық*. Как видим, различия проявляются в наименовании предметов хозяйства. Эти факты говорят о полисемантической лексики в тюркских языках: *бурундук* (*мұрындық*) используется в значении «веревка, привод» в тувинском и «палка» в казахском, а *буйла* (*бұйда*) – «палка» – в тувинском и «веревка, привод» – в казахском языке.

Тувинское слово *дүндүк* имеет несколько значений: 1) дымоход юрты, дымоход, 2) астрономическая зенитная звезда [TPC: 82]. Казахское слово *түндік* – это не дымоход, а войлочная накидка шанырака (кибиточного круга), предназначенная для обмена свежего воздуха и для падения солнечного луча в дом [ТСКЯ: 833]. А дымоход у казахов называется *мұржа*. Данные бытовые названия входят в общую тематическую группу, но обозначают разные предметы в разных тюркских языках.

Слово *дең* III в тувинском языке означает «конная упряжь» [TPC: 64], в казахском – это «груз, вес которого одинаков с обеих сторон верблюжьего горба». Несмотря на то, что слова *дең/тең* в тувинском и казахском языках имеют общий исторический корень, образованные от них морфологические формы и семантические значения отличаются. В тувинском от слова *дең* образуются производные слова: *деңге* – 1) равно, равный, 2) одновременно, 3) вместе; *деңзи* – 1) вес, взвешивание, 2) весы [TPC: 64]. Два разных значения имеют слова *деңге* и *теңге*. В казахском языке *теңге* означает «грузы, загрузай» [ТСКЯ: 798], второе значение «весы», имеющееся в тувинском, для казахского языка нехарактерно. Общеизвестно, что общее для тюркских языков производное слово от *дең/тең* «тенге» (национальная валюта Республики Казахстан) является историческим корнем русского слова «деньги». Социально-экономическая ценность слова *тең/дең* заключается в законе торговли, экономики, когда отношения товар-деньги-товар или деньги-товар-деньги были эквивалентны.

Слово *дес/дез/дезер* в тувинском языке имеет следующие значения: 1) убежать, прятаться, 2) ускользнуть, 3) уходить, 4) быть дезертиром [TPC: 63], а в казахском языке *без, безер* имеет значение «убегать, прятаться», «трудноуловимый животный» [ТСКЯ: 121]. Интересно, что по отдельным словам тувинского языка можно уточнить семантику слов, сохранившихся в диалектной лексике и устойчивых выражениях казахского языка. *Аьи-чем* как парное слово в казахском диалекте *ас-жем* означает «еда, продукт», второй компонент как отдельная лексическая единица *чем* (*жем*) по казахски имеет значение «корм для скота» [ТСКЯ: 293]. В казахском языке слово *аяр* на диалекте со значением «осторожный, жалеющий себя» [ТСКЯ: 80], в тувинском языке *аяр* имеет значение «медленный, тихий, спокойный», и используется как фонетический термин «сонорный звук» [TPC: 26]. В казахском языке слово *ділгір*, означающее «необходимое» [ТСКЯ: 213], в тувинском языке *дүлгүүр*

означает «ключ, основной» [ТРС: 82]. В казахском и тувинском языках есть слово *дүлей* [ТСКЯ: 209], одинаковые по звуковому составу.

Асемантчески имеют разные значения: в тувинском языке «глухой» [ТРС: 82], а в казахском словосочетаниях *дүлей адам* означает «грубый, вспыльчивый», *дүлей боран* «сильный снежный буран».

Как показали результаты анализа, материалы тувинского языка позволяют определить значение одного компонента парных слов в казахском языке как неясных, так и утерянных. В казахском языке *асыки* в зависимости от расположения имеют 6 названий: *бүк, шік, алишы, тәйке, омп, сомпа*, в тувинском языке есть слово *буге*, означающее «название асыка, который ставится к центру выстроенных асыков». Аналогичное слово *буге* встречается в казахском языке в составе парных слов во фразеологизме «*буге-шігесіне дейін*» («дойти до точки», «узнать все подробности») [ТСКЯ: 158]. Очевидно, слова *бүк, шік* в казахском языке являются древним этимологическим корнем слова *буге* тувинского языка и парных слов казахского языка.

В слове *дириг* (живой) сохранилось древнее значение и форма казахского парного слова *өлік-тірік* (мертвый-живой). В фольклорных текстах на тувинском языке слова *дом I* из значений «*заклинание, лекарство, магический напиток или зелье*» [ТРС: 72] определяем значение слова *дом*, утратившего смысл второго компонента парного слова на казахском языке, т.е. слова *дом* в слове *ем-дом*. Такой пример можно привести в тувинском слове *дорум* – 2-х годовалый верблюд [ТРС: 74]. В казахском слове *тоқты-торым* мы убедимся, что *торым* – это тайлак. В тувинском языке производное значение слова *бүүрек* (почка), кроме анатомического названия – «кончик пальцев руки» [ТРС: 51], встречается в казахском словосочетании «*бүйрек бет*» «форма лица, похожая на почку». Слово *бышықы* имеет значения: 1) маленькая лопатка для взбивания жира из молочной пены, 2) квадратная или круглая пластина для перемешивания мешанины, 3) поршень [ТРС: 52]. В казахском языке это – *мутовка* (піс-пек) для взбалтывания кумыса и поршень. Слова *даалық, даалықта* в тувинском языке используются в значении «галоп, пускаться галопом» [ТРС: 55]. А в казахском языке используется только в форме *далақтау* в значениях: 1) развеваться (об одежде при быстром беге, езде), 2) *перен.* действовать безрезультатно, 3) *перен.* радоваться чему-либо [ТСКЯ: 186]. А у тувинцев только в значении «походка лошади». Из этого следует, что казахское слово *далақтау* похоже на переносное значение конской походкой. Слово *делегей* имеет характер плеоназма (*телегей теңіз* – обильная вода) в казахском языке, по тувински означающего «мир, всемирный» [ТРС: 63]. В то время как в тувинском языке *дақпыр* означает «кратное чему-либо» (беш дақпыр – пятикратное), производный глагол *дақпырла:* имеет 3 значения: 1) слить, 2) повторить, 3) повториться [ТРС: 58]. А в казахском языке употребляется в выражениях *даңқ пен дақпырт* (слава и слухи, молва) и *дақпырт қылу, дақпырттау* (распрос-

транять слухи, преувеличивать) [ТСКЯ: 185]. Производное слово *дақырла* (*дақырттау*) является семантически богатым словом в обоих языках. Слово *дал II* в тувинском языке означает 2 значения: 1) падать в обморок, 2) замереть, неметь от боязни [ТРС:58], а в казахском языке имеет одно значение «*безвыходное положение, трудность из которого трудно выходит*». Здесь можно наблюдать такие явления: моносема в одном языке может быть полисемантическим в другом языке или наоборот.

Суффикс в одном из двух языков может служить самостоятельным словом (союзы) или окончание может выполнять вспомогательного имени, например, в казахском языке грамматическое значение вспомогательного имени передается окончанием инструментально-творительного падежа. Например, соединительный союз *биле* в тувинском языке используется вместо окончания инструментально-творительного падежа (-мен, -пен) в казахском языке, как и в других тюркских языках, кроме турецкого языка. В тувинском языке нет окончания инструментально-творительного падежа. Сравнительный суффикс казахского языка -*дей* в тувинском языке корневая морфема *дег* выполняет функцию союза, которые имеют значения: 1) такие, похожие, 2) подобные, 3) сравнение [ТРС: 62]. Это свидетельствует о том, что в тувинском языке такие же союзы есть в казахском языке, по-прежнему являются самостоятельными лексическими единицами со вспомогательным местоимением (вспомогательное слово *биле* – окончание инструментально-творительного падежа -мен, -пен) или наоборот вспомогательное слово вместо суффиксов (вспомогательное слово *дег* – суффиксы -дай, -дей). Некоторые суффиксы, общие для обоих языков, могут иметь два разных грамматических значений, лексических оттенков при присоединении корню слова. Например, суффикс -*сыра* на казахском языке имеет отрицательный оттенок, а на тувинском положительный оттенок. В тувинском языке слово *аътсыра* употребляется в значении «хотеть верховой езды, любить верховую езду» [ТРС: 26], в казахском языке это значение дается словом «*аткумар*». Кроме того, суффикс -*сыра* используется в казахском языке в отрицательном значении (*қызылсырау* – скучать по мясу, *байсырау* – тосковать по мужчине).

Сравнительный анализ лексики двух языков показал, что моносемантическое слово в одном языке может быть многозначным в другом и наоборот. К примеру, слово *далгы I* используется в тувинском языке в значении *кожевник* (*тері илеу*) [ТРС:59], в казахском языке оно является полисемантическим: 1) кожевник, 2) анализ определенной проблемы, 3) коррекция негативного поведения конкретного человека (Zhalmakhanov, 2022). Зачастую фонетически похожие слова могут иметь разные значения. Например, в тувинском языке слово *дамбыра* употребляется в значении «ударник, женский барабан», в казахском *домбыра* – название не ударного, а щипкового инструмента.

Подытожив все вышесказанное, мы можем таким образом констатировать, что общая для казахского и тувинского языков лексика в семантическом

аспекте полисемична, синонимична, что обусловлено и экстралингвистическими факторами (особенностями географической местности, ремеслами, которыми занимались местные жители и т.д.). Такая лексика может служить материалом для выявления, уточнения истории и происхождения отдельных слов (в составе фразеологизмов, парных слов, крылатых выражений и пословиц) в сравниваемых языках. Различия в семантике некоторых слов в казахском и тувинском языках проявляются и в том, что моносемантическое слово в одном из тюркских языков может быть многозначным в другом и наоборот.

Заключение

Изучение лексических параллелей в казахском и тувинском языках имеет не только лингвистическое, но и культурно-историческое значение. Анализ 330 слов, начинающихся с А, Б, Д, отобранных в качестве материала исследования из двух рассматриваемых языков, позволил выявить ряд значимых лингвистических и экстралингвистических фактов. В процессе длительного взаимодействия многие слова лишились части своих значений, приобрели новые оттенки или же стали совершенно новыми лексическими единицами, что, несомненно, обусловлено экстралингвистическими факторами. В перспективе более масштабное изучение лексики двух языков позволит обнаружить древнейшие корневые основы, лингвистический анализ которых, на наш взгляд, позволит верифицировать этнолингвистические обобщения, важные в рамках тех или иных языковых семей, в целом, и казахского и тувинского языков, в частности.

ЛИТЕРАТУРА

- Баскаков, Н. А. (1968). Введение в изучение тюркских языков. Москва: Высшая школа, 383 с.
- Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. (2008). Алматы: Дайк-Пресс, 968 с.
- Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: задачи и перспективы. (1982). Москва: Наука, 343 с.
- Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. (1989). Москва: Наука, 207 с.
- Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. (1973). Ленинград: Наука, 353 с.
- Қайдар, Ә. (1998). Плеоназм с этимологически завуалированными компонентами (на основе материала казахского языка). В: Қазақ тілінің өзекті мәселелері. Алматы: Ана тілі, с. 276 – 288.
- Қайдар, Ә. (2013). Қазақ тіліндегі қос сөздер: зерттеу және сөздік. Алматы: Сардар, 456 с.

- Кеңесбаев, І. (2007). Фразеологиялық сөздік. Алматы: Арыс, 800 с.
- Мусаев, К. М. (1975). Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западнокыпчакская группа). Москва: Наука, 359 с.
- Мусаев, К. М. (1984). Лексикология тюркских языков. Москва: Наука, 228 с.
- Нұрмаханова, Ә. (1991). Түркі тілдерінің салыстырмалы грамматикасы. Алматы, 290 с.
- Покровская, Л. А. (1961). Термины родства в тюркских языках. В: Историческое развитие лексики тюркских языков. Москва: Изд-во АН СССР, 11 – 81.
- Севортян, Э. В. (1974). Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межатюркские основы гласных. Москва: Наука, 767 с.
- Севортян, Э. В. (1978). Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межатюркские основы на букву „Б“. Москва: Наука, 349 с.
- Сыздыкова, Р. (1988). Сөздер сөйлейді. Алматы: Мектеп, 126 с.
- Томанов, М. (1992). Түркі тілдерінің салыстырмалы грамматикасы. Алматы: Мектеп.
- Цинциус, В. И. (1972). Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков. В: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. Ленинград: Наука.
- Түймебаев, Ж., Ескеева, М. (2015). Түркітанудың тарихи-лингвистикалық негіздері. Алматы: Қазықұрт, 512 с.
- Тувинско-русский словарь.* (1968). Москва: Советская энциклопедия.

REFERENCES

- Baskakov, N. A. (1968). Introduction to the study of Turkic languages. Moscow: Vysshaya shkola, 383 p. [In Russian].
- Comparative historical study of languages of different families: tasks and prospects.* (1982). Moscow: Nauka Publ., 343 p. [In Russian].
- Comparative historical study of languages of different families: reconstruction at separate levels of the language structure.* (1989). Moscow: Nauka Publ., 207 p. [In Russian].
- Essays on comparative lexicology of the Altai languages.* (1973). Leningrad: Nauka Publ., 353 p. [In Russian].
- Explanatory dictionary of the Kazakh language.* (2008). Almaty: Daik-Press, 968 p. [In Kazakh].
- Kaidar, A. (1998). Pleonasm with etymologically obscured components (based on the material of the Kazakh language). In: Topical issues of the Kazakh language. Almaty: Ana tili, 276 – 288. [In Russian].

- Kaidar, A. (2013). Double words in the Kazakh language: research and dictionary. Almaty: Sardar, 456 p. [In Kazakh].
- Kenesbayev, I. (2007). Phraseological dictionary. Almaty: Arys, 800 p. [In Kazakh].
- Musaev, K. M. (1975). The vocabulary of Turkic languages in comparative perspective (West Kipchak group). Moscow: Nauka Publ., 359 p. [In Russian].
- Musaev, K. M. (1984). Lexicology of Turkic languages. Moscow: Nauka Publ., 228 p. [In Russian].
- Nurmakhanova, A. (1991). Comparative grammar of Turkic languages. Almaty, 290 p. [In Kazakh].
- Pokrovskaya, L. A. (1961). Kinship terms in Turkic languages. In: Historical development of Turkic vocabulary. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 11 – 81. [In Russian].
- Sevortyan, E. V. (1974). Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic vowel bases. Moscow: Nauka Publ., 767 p. [In Russian].
- Sevortyan, E. V. (1978). Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases with the letter “B”. Moscow: Nauka Publ., 349 p. [In Russian].
- Syzdykova, R. (1988). The words speak. Almaty: Mektep, 126 p. [In Kazakh].
- Tomanov, M. (1992). Comparative grammar of Turkic languages. Almaty: Mektep. [In Kazakh].
- Tsintsius, V. I. (1972). Tasks of comparative lexicology of the Altai languages. In: Essays on comparative lexicology of the Altai languages. Leningrad: Nauka Publ. [In Russian].
- Tuimebayev, Zh., Eskeeva, M. (2015). Historical and linguistic foundations of Turkology. Almaty: Kazykurt, 512 p. [In Kazakh].
- Tuvan–Russian dictionary. (1968). Moscow: Soviet Encyclopedia. [In Russian].
- Zhalmakhanov, Sh. Sh., Salkynbay, A. B. (2022). *On the polysemantic phenomenon of the general vocabulary of Turkic monuments and languages*. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.26577/EJPh.2022.v1867i2.05> [accessed 13 November 2022].

**PHONETIC AND SEMANTIC FEATURES
OF THE COMMON VOCABULARY
OF THE KAZAKH AND TUVAN LANGUAGES**

✉ **Prof. Shapagat Zhalmakhanov Sharapatovich, DSc.**

ORCID iD: 0000-0002-0227-4617

WoS Researcher ID: PHE-3680-2026

Karaganda National Research University named after Academician E. A. Buketov

Karaganda, Kazakhstan

E-mail: szhalmakhanov@bk.ru

✉ **Prof. Dr. Milena Yordanova**

ORCID iD: 0000-0002-5878-8705

WoS Researcher ID: AAF-1770-2019

Sofia University St. Kliment Ohridski

Faculty of Classical and Modern Philology

Sofia, Bulgaria

E-mail: m.yordanova@uni-sofia.bg